

З а 38 л ѣ т ъ .

Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній, посвящаются памяти
Милія Алексѣевича Балакирева.

I.

Мнѣ хочется написать мои воспоминанія о Миліи Алексѣевичѣ Балакиревѣ, такъ какъ я познакомилась съ нимъ осенью 1871 года и съ того времени, до конца его жизни, была съ нимъ дружна, глубоко уважая его, какъ великаго композитора, патриота и славянофила, духовнаго ученика А. С. Хомякова и И. С. и К. С. Аксаковыхъ. Но я боюсь одного: 1869 г. и послѣдующіе за нимъ 3—4 года въ жизни Милія Алексѣевича представляютъ изъ себя значительный интересъ, такъ какъ въ эти годы начался и завершился въ немъ тотъ духовный переломъ, о которомъ всегда говорятъ упоминающіе имя Балакирева, т. е. рассказывающіе о немъ.

И вотъ я боюсь, чтобы мои воспоминанія не обманули ожиданій читателей. Предупреждаю, что въ предлагаемомъ очеркѣ не будетъ никакихъ разоблаченій, ничего особеннаго.

Я была ребенкомъ, маленькой дѣвочкой, когда познакомилась съ Миліемъ Алексѣевичемъ, и въ моихъ воспоминаніяхъ, какъ въ домотканной пряжѣ, часто будутъ встрѣчаться нити и узелки, говорящіе больше обо мнѣ, о моемъ я, чѣмъ о моемъ великомъ учителѣ и другѣ и объ его я.

Поздней осенью 1871 года, какъ-то за обѣдомъ, отецъ мой ударилъ меня, какъ обухомъ по головѣ,—словами:

— Ну-съ, я тебѣ взялъ другого учителя музыки. Шуберту слѣдующій разъ я скажу, что онъ больше можетъ не приходить.

Я покраснѣла до слезъ и чуть не заплакала.

Василія Антоновича Шуберта, гобоиста Императорскихъ театровъ и профессора консерваторіи,—я искренно любила. Онъ давалъ мнѣ уроки музыки, т. е. фортепіанной игры уже года (сезона) четыре съ перерывами, и къ нему я успѣла дѣйствительно привязаться.

До него у меня было нѣсколько учителей. Mr. Brasseur'a ко мнѣ взяли, когда мнѣ было всего пять лѣтъ, послѣ того, что я по слуху подобрала арію изъ „Аскольдовой Могилы“ которую меня повезъ слушать отецъ.

Mr. Brasseur'a рекомендовалъ отцу хозяинъ нотнаго магазина Бернарда. Брассеръ былъ старый, худой, жалкій, очень бѣдный французъ. У него былъ беззубый ротъ, отчего онъ постоянно плевался, и отчего, когда онъ ѣлъ, страшно двигалась не только его нижняя челюсть, но двигался и носъ, и подбородокъ съ длиннымъ и жидкимъ клочкомъ желто-сѣдой бороды.

Онъ, вѣроятно, постоянно былъ голоденъ, потому что, глядя на меня, когда я входила въ залъ на урокъ, часто говорилъ:

— Oh! Mariette, je vous aurais mangée sous la sauce blanche!...

И онъ потиралъ длинныя, жалкія, костлявыя, тяжелыя руки.

Училась я у него хорошо, т. е. дѣлала очень большіе успѣхи, чѣмъ онъ сильно гордился, но любить его я не могла.

Отчасти изъ-за его внѣшности, отчасти изъ-за неряшливости въ манерахъ и костюмѣ,—хотя онъ не иначе приходилъ, какъ во фракѣ,—отчасти отъ того, что надо было избѣгать дышать, когда онъ дышалъ,—но главное изъ-за рассказовъ отца, который выдумывалъ про него разные анекдоты (какъ онъ завертываетъ ноги свои въ тряпки и пр.), къ Mr. Brasseur'у у меня было смѣшанное чувство жалости и отвращенія.

Послѣ Брассера, которому отказали не знаю за что, какъ и когда, у меня была учительница, M-lle Frackmann.

Это была совсѣмъ молоденькая и хорошенькая французенка.

Помню, ее привелъ ко мнѣ въ классную мой отецъ. Съ нею вмѣстѣ вошелъ ея отецъ—полный, изящный, пожилой господинъ: Mr. Wladimir Frackmann.

Кто ихъ рекомендовалъ—я не знаю, но думаю, не было ли у нихъ чего общаго съ фортепіаннымъ магазиномъ Негри.

Рѣшено было, что M-lle Fanny Frackmann будетъ давать мнѣ уроки, а инспектировать и руководить мною будетъ Mr. Wladimir Frackmann.

Насколько помнится, въ день этого рѣшенія, въ первый и въ послѣдній разъ я видѣла мосье Владимира.

Отъ его дочери, какъ воспоминаніе, у меня до сихъ поръ хранится тетрадка, въ которой она ставила мнѣ баллы и записывала заданное, и пьеса Бетховена „Молинару“, которую я разучила съ ней.

Въ тетрадкѣ крупнымъ, размахистымъ почеркомъ написаны разныя числа и подъ ними: *bien... très bien... passable... Donnez-vous donc la peine d'étudier le passage en ré mineur...* и прочія подобныя педагогическія замѣтки.

На поляхъ „Молинару“, исчирканной карандашомъ, написано со страшными по величинѣ, восклицательными знаками и нотабэнами: *A étudier ce passage 36 fois!!!*

Или: *à étudier ce passage 52 fois!!! NB! NB!..*

Или: *25 fois. NB! NB! NB!*

Моя гувернантка-нѣмка, Александра Ѳедоровна Цвернеръ, приготавливала со мной уроки музыки и съ точностью машины, при изученіи пассажей, неумолимо отсчитывала: разъ, два, три и т. д. и т. д. Нѣтъ, 47, 48!.. Нѣтъ 48, еще (скороговоркой и повелительно) 49, 50...52. Вотъ теперь такъ!

Еще отъ M-elle Frackmann у меня остался въ памяти слѣдующій „анекдотъ“.

Входя ко мнѣ въ классную, которая помѣщалась со всѣми жилыми комнатами наверху (въ то время я уже не играла въ залѣ, у меня былъ мой собственный небольшой рояль Lichtental'я)—она оставляла на полу за собой слѣды ногъ.

Какъ ни приказывала Александра Ѳедоровна демонстративно вытирать при ней эти слѣды, какъ ни говорила: *de nouveau!.. Le plancher est sali!..* ничто не помогало, и на слѣдующій урокъ M-elle Frackmann опять пачкала полъ.

Тогда, однажды, моя гувернантка рѣшилась сдѣлать моей учительницѣ словесное замѣчаніе: *M-elle Frackmann, otez donc vos galoches, s. v. p!*

Фракманъ, показывая мнѣ нюансировку, играла въ эту минуту отрывокъ изъ „Молинару“.

На слова Александры Ѳедоровны она вытянула большую ногу въ грязномъ, толстомъ, неуклюжемъ сапогѣ и, не переставая играть съ досадой, полу-сказала, полу-пропѣла:

— *Dois-je oter celles-la, celles-la, quand je n'en ai pas d' autres!*

Лица моихъ наставницъ и весь эпизодъ были такъ комичны, что я не удержалась и покатила со смѣха, а послѣ урока, призвавъ мою мать, пародируя, показала ей, играя отрывокъ изъ Бетховенской пьесы, какъ все произошло.

Моя мать очень смѣялась и, вечеромъ, я опять показывала, но теперь уже отцу, какъ все произошло, снова возбуждая смѣхъ.

Съ тѣхъ поръ строчки изъ „Молилары“:

до сего дня въ музыкальной памяти моей неразрывно соединены со словами:

Frackmann, Frackmann, otez vos galoches!
Frackmann, Frackmann, otez vos galoches!
Dois-je oter celles-là, celles-là,
Qnand je n'en ai pas d' autres!

Послѣ зимы съ Фанни Фракманъ у меня былъ еще лѣтомъ учитель музыки полякъ. Фамилии его не припомню. Гостили мы тогда въ Радомѣ у моего дяди, Дмитрія Гавриловича Анучина (онъ былъ женатъ на родной сестрѣ моей матери), губернатора радомскаго.

Учитель-полякъ былъ страшно вѣжливый, цѣловалъ мнѣ руку, когда я, присѣдая, здоровалась съ нимъ и, къ неудовольствію Александры Ѳедоровны, открыто при мнѣ говорилъ ей о моихъ музыкальныхъ способностяхъ.

Съ нимъ я играла, между прочимъ, Etudes Ravina, а когда мы вернулись къ отцу въ Петербургъ, ко мнѣ взяли моего милаго Шуберта.

Онъ былъ чехъ по происхожденію и любилъ объ этомъ заявлять:— нѣтъ, я не нѣмецъ, я чѣхъ;—но дальше этого заявленія дѣло не шло. Роднымъ языкомъ, на которомъ онъ говорилъ (и, вѣрно, думалъ), когда у него не хватало русскихъ словъ, былъ языкъ нѣмецкій. Всѣмъ обликомъ своимъ онъ тоже походилъ на нѣмца и былъ лютеранинъ.

У него была жена, которую онъ обожалъ и называлъ „Юли Ѳедоровна“, и о которой такъ часто говорилъ, что я съ первыхъ дней знала о существованіи „Юли Ѳедоровны“ и питала къ ней особенное чувство уваженія.

Съ Шубертомъ я стала играть гаммы по методѣ „консерваторіи“ и этюды Черни.

Кромѣ того, много и часто играла переложенія разныхъ оперъ и пьесъ въ четыре руки. Нѣкоторыя изъ этихъ оперъ мы покупали, другія онъ привозилъ изъ дома (отъ Юліи Ѳедоровны!—думала я) въ толстыхъ, прекрасно переплетенныхъ тетрадкахъ.

Со мной Василій Антоновичъ обращался вродѣ поляка-учителя: цѣловалъ мою руку и открыто говорилъ о моихъ способностяхъ. Но полякъ былъ какъ-то черезчуръ вѣжливъ. Шубертъ же называлъ меня: „Марусѣя“ и обходился, какъ и съ другими дѣтьми, которыхъ вообще онъ очень любилъ, только дѣлая замѣтную мнѣ разницу, когда мы играли на роялѣ.

Такъ въ одной изъ привозимыхъ имъ изъ дома тетрадей, въ одной пьесѣ былъ отрывокъ, тема въ которомъ была расположена въ басахъ, въ *secondo*.

Играли мы эти пьесы въ четыре руки, но не *à livre ouvert*, а добросовѣстно разучивая ихъ, при чемъ одна дѣвочка, гостившая у насъ и также какъ и я бравшая уроки музыки у Шуберта, играла *secondo*, а я *primo*. Но когда доходило дѣло до „кусочка“ съ темной въ басахъ, Василій Антоновичъ неизмѣнно пересаживалъ насъ,—хотя дѣвочка выучила этотъ кусочекъ, какъ и всю пьесу, и съ умиленной улыбкой слушалъ насъ, полупшепотомъ повторяя:—хорошо, очень хорошо,—и тайкомъ отъ меня, переглядываясь съ Александрой Федоровной.

Разъ даже, открывая улыбкой свои прекрасные, изсиня-бѣлые, ровные зубы, онъ проговорилъ на своемъ мягкомъ русскомъ языкѣ, вѣрнѣе нарѣчїи, еле-еле нѣжно притронувшись къ моему лбу пальцемъ.

— Хотѣлъ бы я знать, что думаетъ эта „golowka“ и это сэрдэчко, когда Марусѣя играетъ вотъ эти ноты!...

А я ничего не думала, только чувствовала, что ихъ надо именно такъ играть, а не иначе, что именно такъ онѣ звучать, какъ слѣдуетъ.

Съ Василюмъ Антоновичемъ мы стали также готовить, дѣлать для отца разные музыкальные сюрпризы или *Ueberraschungen*’ы, чего до него у насъ не практиковалось. Помню, какъ даже разъ меня утромъ зимой повезла Александра Федоровна въ нашей каретѣ къ нему на квартиру для генеральной репетиціи какого-то *trio*, которое я готовила въ „подарокъ“ отцу.

Помню его скромныя чистенькія комнаты, столовую и ту, гдѣ стоялъ рояль, но столовую больше, потому что мы въ ней завтракали,—до или послѣ репетиціи не знаю,—но помню, что и завтракъ, и кофе были необыкновенно вкусны. Помню и то, что дальше этихъ двухъ комнатокъ, мнѣ сказали, идти нельзя, и мнѣ показалось, что въ настоящіе покои „Юли Федоровны“ я недостойна, по мнѣнію Шуберта, проникнуть, а тутъ это комнаты, гдѣ принимаютъ неважныхъ гостей. Помню и самую Юлію Федоровну съ коричневыми гладко и на проборъ причесанными волосами, подѣ

сѣткой съ бантикомъ, въ темномъ, аккуратно вычищенномъ скромномъ платьѣ и въ сѣрой вязаной душегрѣйкѣ.

Она очень плохо въ то время говорила по-русски (впоследствии гораздо лучше), но ни ея ломаный языкъ, ни ея внѣшность не заставили меня критически отнестись къ ней. Для меня она была Юли Федоровна, имя которой произносилось съ благоговѣніемъ моимъ учителемъ...

Позднѣе, когда мы ѣхали въ каретѣ съ репетитици домой, я спросила Александру Федоровну: отчего Шубертъ не былъ сегодня, какъ всегда, во фракѣ? И получивъ негодующій отвѣтъ моей гувернантки:—станеть онъ для маленькой дѣвочки надѣвать фракъ!...—еще больше увѣрилась въ томъ, что скромныя комнаты были лишь преддверіемъ того помѣщенія, гдѣ жилъ Шубертъ съ женой, и куда онъ тщательно запиралъ дверь, когда ходилъ взадъ и впередъ, отыскивая для меня подушку.

Шубертъ тоже ставилъ мнѣ баллы, но не въ большой тетрадкѣ съ картинками на переплетѣ, какъ Фракманъ, а въ маленькой черной книжечкѣ, которую онъ вынималъ послѣ урока изъ внутренняго кармана своего фрака и которую клалъ туда же, написавъ въ ней, прячась отъ меня, цифру 5 или 5+.

Четыре, я, кажется, почти никогда не получала.

Кромѣ того, для поощренія, когда онъ былъ особенно доволенъ мною, Василій Антоновичъ продѣлывалъ еще слѣдующее. Улыбаясь своей милой улыбкой, онъ слабымъ голосомъ говорилъ:

— Сегодня Марусѣя получить (онъ произносилъ „л“ мягко, какъ произносятъ французы или нѣмцы свое l) награть...

Онъ останавливался и добрыми сѣро-голубыми глазами въ золотыхъ очкахъ, стараясь дѣлать серьезное лицо, смотрѣлъ на меня.

— „Табакерку?“...—спрашивала я.

— Ужъ „снаэтъ!“ смѣялся онъ, грозя пальцемъ и смотря на мою желчную гувернантку, неодобрявшую его дружескаго отношенія ко мнѣ и дѣлавшую видъ, что она ничего не слышитъ, конфузился.

— Ну, совите брата!—обращался онъ опять ко мнѣ черезъ минуту, чувствуя отпоръ со стороны Александры Федоровны.

Я бѣжала за братомъ, и мы оба возвращались въ залъ, (мы жили уже на другой квартирѣ, и въ моей классной не было мѣста для моего Lichtental'я).

Шубертъ на самыхъ верхнихъ нотахъ клавиатуры, продѣлывая пассажи щеточкой, игралъ миниатюрную пьеску, въ совершенствѣ подражая крошечнымъ музыкальнымъ ящикамъ или табакеркамъ, щелкая ногтемъ по деревянной крышкѣ рояля, при началѣ и по

окончаніи, что означало и дѣйствительно походило на то, когда валикъ въ ящичкѣ начинаетъ вертѣться, до звуковъ музыки, и когда онъ совсѣмъ перестаетъ вертѣться, по окончаніи пьески.

Семи лѣтъ я заболѣла, у меня стали дѣлаться во время сна, ночью, обмороки и весной 1868 г. меня повезли лѣчить за границу.

За границей мы пробыли до осени 1869 года и, когда вернулись, съ начала учебнаго школьнаго сезона ко мнѣ снова взяли Шуберта.

Полтора года я отдыхала. Полтора года не смѣла и боялась подойти къ роялю и притронуться къ клавиатурѣ, помня запрещеніе докторовъ и очень боясь болѣзни, обмороковъ и смерти.

Наконецъ въ ноябрѣ 69-го стала снова „потихоньку“, какъ выражался Василій Антоновичъ, т. е. по-немногу, заниматься игрой на роялѣ, а потомъ и заниматься по-прежнему, и снова мы стали съ Васи́емъ Антоновичемъ дѣлать моему отцу музыкальные сюрпризы.

Кажется, одинъ изъ такихъ сюрпризовъ и сгубилъ Шуберта, т. е. рѣшилъ нашу съ нимъ участь.

Дѣло происходило такъ: разучили мы съ Шубертомъ отцу въ подарокъ какой-то *Kinder-Concert*. Самъ Василій Антоновичъ исполнялъ фортеціанную партію, а мы съ братомъ и моею кузиной играли на всевозможныхъ инструментахъ: трехугольникъ, бубнѣ, „кукушкѣ“, „соловьѣ“, „вальдтейфелѣ“ и пр. и пр.

Отецъ былъ боленъ, играли мы у него въ кабинетѣ, при чемъ Шубертъ игралъ не на роялѣ, а на стоявшей въ кабинетѣ фисгармоникѣ, увѣряя, что такъ будетъ еще „лутче“ и вытаскивая то одинъ, то другой колокъ съ надписями на бѣломъ фарфорѣ: *flûte*, *haut-bois*, *cor* и т. д.

А отецъ съ задеревенѣлымъ лицомъ слушалъ насъ.

Самъ онъ прекрасно игралъ на роялѣ, гордился тѣмъ, что онъ ученикъ Леопольда Майера, принималъ близкое участіе въ дѣлахъ музыкальнаго общества и позднѣе Консерваторіи. Былъ другомъ и Кологривова, и Ломакина, и др.

Послѣ нашего „собачьяго“ концерта (какъ мы послѣ называли его), онъ ничего не сказалъ самому Шуберту, но черезъ нѣкоторое время произнесъ приведенныя мною выше слова, ударившія меня, какъ обухомъ по головѣ:

— Ну-съ, я тебѣ взялъ другого учителя...

Другой учитель этотъ и былъ Милій Алексѣевичъ Балакиревъ.

II.

Онъ пришелъ къ намъ неожиданно, какъ-то утромъ, т. е. для меня неожиданно.

Меня вызвали въ залъ, и я услышала, какъ черезъ нѣкоторое время дверь изъ кабинета быстро отворилась, обернулась и увидѣла Балакирева въ просвѣтѣ, въ которомъ клубами двигался голубовато-опаловый дымъ отъ сигаръ и папиросъ.

Изъ кабинета неся смѣхъ отца, тотъ смѣхъ, которымъ смѣются мужчины, желающіе показать кому-нибудь свою любезность, благо-расположеніе, дружескую ласковость, преданность и пр. подобныя чувства.

Балакиревъ тоже очевидно смѣялся (я слышала дузть голосовъ). Улыбка была у него еще въ глазахъ и во лбу, когда онъ появился въ двери, но она тотчасъ будто улетѣла съ его лица, и онъ, откашливаясь, стремительными шагами подошелъ къ роялю, возлѣ котораго я стояла, дожидаясь его прихода. Не помню, какъ онъ поздоровался со мной, да и поздоровался ли. Но помню его слова, такія же стремительныя, какъ его шаги:

— Ну-съ, покажите мнѣ, что вы играли.

Тонъ его голоса былъ рѣзкій, авторитетный, такой, къ какому я не привыкла съ моими прежними учителями.

Мы отошли къ хвосту рояли, на которомъ я уже разложила ноты игранныхъ мною пьесъ, этюдовъ и пр., и онъ сталъ проглядывать мой репертуаръ, откидывая одну тетрадь за другой и издавая звукъ, похожій на короткое „рычаніе“. Иначе я не могу назвать звукъ, который онъ издавалъ.

Мнѣ становилось совѣстно. Я чувствовала, что онъ чѣмъ-то недоволенъ, что-то не одобряетъ. Щеки мои стали краснѣть, руки и ноги холодѣть. Не поднимая къ его лицу глазъ, я разглядывала его и изучала его.

Онъ мнѣ не нравился. Средняго роста, широкоплечій, съ густыми, зачесанными кверху темно-русскими, длинными волосами, густой темно-русой бородой и усами, въ сѣренькомъ клѣтчатомъ пиджакѣ и въ такомъ же нижнемъ платьѣ,—онъ не походилъ ни на одного изъ тѣхъ людей, которыхъ я знала, хотя знала я, т. е. видала, всякихъ людей и между ними много артистовъ.

Все, что я сейчасъ рассказываю, произошло въ теченіе двухъ-трехъ минутъ, можетъ быть, нѣсколькихъ секундъ: мой музыкальный багажъ былъ очень легковѣсный, хотя я тогда не сознавала этого, и все надѣялась, что, увидя двѣ послѣднія пьесы, которыя я играла,—

онъ почувствуетъ ко мнѣ хоть нѣкоторую долю уваженія. Но дойди именно до этихъ двухъ пьесъ, требовавшихъ „jeu réglé“, т. е. отдѣлки и чистоты пассажей пьесъ, моимъ исполненіемъ которыхъ такъ гордился и любовался мой милый Шубертъ (это были „Cascade de Rubis“ и „Cascade de Roses“),—Балакиреву стало, должно быть, довольно. Онъ „рявкнувъ“ длинное: г-мъ-гмъ-гмъ, въ послѣдній разъ,—обратился ко мнѣ съ словесными вопросами:

— Какія вы гаммы играли? По чьей методѣ?... Сыграйте... Гм! А расходящіяся вотъ такъ... (онъ показалъ). Нѣтъ?... Какіе этюды?... Черни?... Сыграйте, вотъ этотъ (Онъ открылъ тетрадку и отыскалъ какой-то).

— Это ничего!.. Это мило!.. (обратился онъ къ отцу, пришедшему на звуки этюда въ залъ).—Ну-съ, а вы не играли ли какой-нибудь классической вещи, Бетховена?..

Подбодренная его словами, я встала, достала „Sonate pathétique“ и протянула ему.

Онъ удивленно произнесъ: вы это тоже играли!.. Будто о чемъ-то недоумѣвая, подвѣлъ плечи, переглянулся съ отцомъ и, коротко приказавъ мнѣ:—Сядьте,—поставилъ на пюпитръ сонату.

Я стала играть.

Сонату, какъ и все, что я играла, я знала наизусть, и послѣ вступительныхъ аккордовъ, дойдя до темы, ни разу не подняла глаза къ пюпитру.

— Довольно!..—услышала я вдругъ голосъ Милія Алексѣевича. Это довольно, по моимъ расчетамъ (я мысленно видѣла страницы и читала по нимъ), было произнесено, когда я не вполнѣ дошла еще до конца второй страницы.

Я удивленно остановилась.

— Довольно!—рѣзко повторилъ Балакиревъ.—Пустите меня. (Онъ лѣвой рукой просто и вмѣстѣ властно отстранилъ меня).

Я встала, понимая, что онъ хочетъ показать, какъ надо играть, и, приготовляясь слушать, прижалась къ стѣнѣ, у которой стоялъ рояль.

— Вотъ, что написано... Могучими и вмѣстѣ мягкими ударами онъ взялъ начальные аккорды и послѣ блестящаго пассажа, оканчивающаго ихъ, сталъ играть то, что я только-что играла, потомъ вдругъ оборвалъ и со словами: а вотъ, какъ вы играете! снова началъ пьесу.

Онъ игралъ отвратительно, выдѣлывая какія-то необычныя движенія кистями рукъ, ударяя тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, понижая и повышая звукъ безъ смысла, и хотя я видѣла, что это жестокая

и злая пародія на мою игру, мгновеніями я чувствовала, что что-то есть похожее на то, какъ я играю.

Это было особенно больно и стыдно.

Мы были одни въ залѣ. Отецъ при первыхъ звукахъ подражанія,—съ лукавой усмѣшкой (какъ мнѣ казалось) подмигнувъ мнѣ, точно сказавъ: ну, что говорилъ я тебѣ?.. Это не твой Шубертъ! Этотъ не станетъ тобой все восхищаться!.. исчезъ въ своемъ кабинетѣ и заперъ за собою дверь.

А я, отвѣтивъ ему горькой улыбкой на его улыбку, заложивъ руки за спину, стала все сильнѣе прижиматься ладонями рукъ и плечами къ стѣнѣ.

Это я-то, я!..—вихремъ проносилось у меня въ мысляхъ,—которая играла съ шести лѣтъ съ знаменитыми артистами и дуэты со (скрипачемъ) Montigny, и съ (флейтистомъ) Чіарди, которая постоянно играла тріо (съ Фишеромъ и Гильдебрандомъ). Это я, которая, если и не была „вундеркиндомъ“, то все же играла, какъ говорили, замѣчательно для моихъ лѣтъ, которая испытала не разъ сладость артистическаго одобренія, когда мои партнеры въ камерныхъ ансамбляхъ, по окончаніи и частей и всей пьесы, стучали смычками по своимъ пюпитрамъ, заглядывая мнѣ въ лицо... И вдругъ... мнѣ... онъ... показываетъ... что я... играю такъ!..

Милій Алексѣевичъ поднялъ на меня свои большіе, темные, въ тотъ мигъ серьезные и равнодушные, въ слѣдующій—испуганные глаза и вскочилъ, какъ ужаленный.

У меня былъ полуоткрытъ и кривился ротъ отъ сдерживаемыхъ рыданій, и слезы градомъ катились изъ глазъ по щекамъ.

Онъ что-то сказалъ,—не помню что, что-то вроде: что такое, что случилось?..

Но я не слышала и не слушала его и бросилась вонъ изъ залы.

За мною, почти тотчасъ, въ мою комнату вошла быстрыми шагами моя мать и сначала испуганная, потомъ успокоенная, стала спрашивать: что съ тобою? Что такое?

А я, слясь улыбнуться и давась слезами, отвѣчала ей:

— Да ничего... Да, право же ничего!..—И снова и снова заливалась слезами.

Когда она наконецъ узнала, въ чемъ дѣло, посмѣиваясь, какъ только матери умѣютъ посмѣиваться, не задѣвая самолюбія, она погладила меня по головѣ и мокрому лицу и, выговоривъ: ну, это все пустяки!.. А я-то ужъ испугалась!.. вышла изъ комнаты

Черезъ нѣкоторое время, смѣющаяся, розовая она вернулась и, видя, что я все еще плачу, велѣла мнѣ выпить воды и сказала:— Онъ хочетъ придти къ тебѣ извиниться.

Кровь бросилась мнѣ въ голову.

— Нѣтъ!.. Ни за что!.. Зачѣмъ?... Ради Бога, мамочка, скажи, что это не надо!..

Это „наказаніе“ (выслушивать его извиненія) казалось мнѣ еще хуже перваго (карикатуры на мою игру).

— Ну, хорошо, я пойду скажу ему, что ты не хочешь...—сказала моя мать, видя мое волненіе, но не успѣла она дойти до двери, какъ дверь отворилъ отецъ, и вслѣдъ за нимъ все тѣми же, стремительными шагами, откашливаясь, вошелъ Балакиревъ.

— Я пришелъ извиниться,—одновременно со словами беря мою руку и пристально глядя на меня, проговорилъ онъ громко. Онъ потрясъ мою руку и продолжалъ, не выпуская съ перерывами трясти ее:—И сказать вамъ... (онъ потрясъ мою руку), что я буду давать вамъ уроки, если вы не возненавидѣли меня...

— Боже мой, за что же!.. съ новыми слезами вырвалось у меня.

— Потому что, если возненавидѣли... то лучше...

Тутъ мои родители заговорили оба, заступаясь за меня, и я не помню, что именно было сказано съ обѣихъ сторонъ, какъ это ни странно сказать; помню, что съ этой минуты, я своимъ дѣтскимъ, полу-развитымъ, но врожденнымъ музыкальнымъ чутьемъ и еще какимъ-то инстинктомъ поняла, что передо мною стоитъ, дѣйствительно, не Брассеръ, не Шубертъ и прочія знаменитости, а *maître*, *maestro*, Учитель съ большой буквы, и не только музыки, но и чего-то другого, высшаго, чѣмъ онъ былъ, я знаю, для многихъ другихъ, и чѣмъ сталъ впоследствии и для меня.

III.

Я начала брать у него уроки и стала играть гаммы по методу Дрейшока (Діатоническія гаммы), 1000 *Exercices pour l'emploi du dactylion par Henri Herz*, этюды Köhler'a zur gleichen Ausbildung beider Hände, этюды Крамера въ аранжировкѣ Бюлова: 50 *ausgewählte Klavieretüden*, а затѣмъ—30 *Clavier Etüden in allen Tonarten—Louis Köhler*, при чемъ Милій Алексѣевичъ нумеровалъ ихъ по-своему, слѣдующимъ образомъ: 1) десятый этюдъ, 2) девятнадцатый, 3) двадцать первый, 4) двадцатый, 5) девятый, 6) двадцать третій, 7) двадцать четвертый, 8) двадцать второй, 9) тридцатый, 10) четырнадцатый, 11) одиннадцатый, 12) третій, 13) пятнадцатый, 14) семнадцатый, 15) восемнадцатый, 16) двадцать пятый, 17) двадцать шестой, 18) четвертый, 19) седьмой, 20) восьмой, 21) двѣнадцатый, 22) второй, 23) двадцать девятый,

24) пятый, 25) двадцать восьмой, 26) первый, 27) двадцать седьмой, 28) шестнадцатый.

Не знаю, всегда ли онъ такъ перенумеровывалъ эти этюды или только для меня, сообразуясь съ моею индивидуальностью, но всѣ ноты, которыя я играла съ нимъ, цѣлы, а на нихъ цѣлы и его замѣтки. Привожу я ихъ исключительно для интересующихся педагогической дѣятельностью русскаго великаго композитора, гениальность котораго, нынѣ еще оспариваемая, со временемъ несомнѣнно будетъ признана.

Пьесы и пьески, которыя я играла съ нимъ въ первые два-три года, т. е. сезона, такъ какъ лѣтомъ мы всегда уѣзжали за границу,—принадлежали перу С. Bernecke, Henselt'a, Шульгофа, Стефана Хеллера, Hiller'a: „Zur Guitar“, Дрейшока, но Stephen Heller'a онъ, должно быть, больше всего любилъ и признавалъ до классическаго репертуара, по крайней мѣрѣ я играла очень большое количество всякихъ Scherzo, Tarantelles, Valses (не вальсовъ для танцевъ, разумѣется), Sattorello и пр. именно этого композитора.

Первая большая вещь, которую я въ тѣ же годы играла съ нимъ, была: Variations brillantes sur „Ludovik“ de Herold—Шопена, и надо отдать должное,—непавидѣла же я эти вариации!..

Какъ особенный инцидентъ, происшедшій за учебный сезонъ 72—73 годовъ, запомнился мнѣ слѣдующій случай.

Приходилъ ко мнѣ на уроки Милій Алексѣевичъ днемъ, а не утромъ, какъ онъ желалъ, потому что утромъ у меня были уроки по разнымъ предметамъ гимназическаго курса. (Я только-что тогда разсталась съ первой частной женскою гимназіей Маріи Петровны Спѣшневой, въ которой пробыла всего одну зиму и то съ перерывами, такъ какъ постоянно сильно простужалась. Но зима эта имѣла для меня огромное значеніе, превративъ меня изъ лѣнтяйки въ дѣвочку, жаждавшую научныхъ знаній).

Балакиревъ былъ этими усиленными занятіями не очень доволенъ. Я могла удѣлять музыкѣ не болѣе двухъ часовъ въ день, а этого было, разумѣется, мало, и онъ, оставаясь недовольнымъ моимъ приготовленіемъ, спрашивалъ:

— Вы сколько часовъ играли въ день за эту недѣлю?—И слышавъ мой отвѣтъ, нетерпѣливо пожималъ плечами:—Гм-гмъ, да вѣдь вамъ на много лѣтъ еще такихъ занятій?!

Въ одинъ изъ уроковъ, когда я ждала его въ залѣ, у рояля, (это было въ самомъ началѣ нашего знакомства), я, по обыкновению, слыша его звонокъ въ передней (онъ былъ замѣчательно пунктуаленъ), стала готовить тетради.

Въ залѣ же была и Надежда Дмитриевна Яковлева ¹⁾, другъ моей матери (хотя она была старше ея на 25 лѣтъ), бывшая начальница Витебскаго и потомъ Пиенбергскаго институтовъ. Она жила тогда уже у насъ, занималась нашимъ образованіемъ, выбирала учителей, такъ какъ имѣла огромное знакомство въ педагогическомъ мірѣ, и всегда присутствовала при урокахъ, особенно при началѣ ихъ. Ея присутствіе посему нисколько не удивило меня и въ этотъ день и такъ бы и прошло для меня незамѣченнымъ, если бы не слѣдующее обстоятельство.

Послѣ звонка въ передней, дверь, черезъ нѣкоторое время, отворилась и въ залу, и Милій Алексѣевичъ показался въ ней.

Я доврчиво пошла ему навстрѣчу, видя, но по-дѣтски не замѣчая его костюма (послѣ перваго раза, когда я должна была пойти на компромиссъ насчетъ фрака, я ужъ ничему не удивлялась).

Онъ былъ въ лѣтнемъ бѣломъ, холстинковомъ пиджачкѣ и въ такихъ же широкихъ брюкахъ. Должно быть, видъ его былъ страннымъ (на дворѣ стояли лютые морозы), потому что Надежда Дмитриевна, при его появленіи, такъ и застыла на мѣстѣ, и послѣ ни на минуту не покинула залы, до окончанія урока.

На урокъ, должно быть, вопреки ожиданіямъ Надежды Дмитриевны, прошелъ вполне просто и благополучно.

Мало-по-малу она стала успокаиваться, какъ она сама послѣ рассказывала. Къ концу урока всѣ страхи ея разсѣялись и, мало того, впервые, во время этого урока, она, выдавая не мало горя и нужды, чутьемъ поняла, что Балакиревъ находится въ тяжелыхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, что онъ человѣкъ изъ ряда выходящій и достойный глубочайшаго уваженія.

Милію Алексѣевичу, какъ всегда учителямъ зимою, предложили чаю, и онъ съ удовольствіемъ пилъ его, громко высасывая лимонъ.

По окончаніи занятій, онъ простился со мной, съ Надеждой Дмитриевной и ушелъ.

Я лично такъ и осталась бы равнодушной къ его не по сезону легкому костюму и вѣрно вскорѣ и забыла бы о немъ, но вечеромъ я услышала разговоръ Надежды Дмитриевны съ моими родителями и... изумилась.

Надежда Дмитриевна, свѣтясь улыбкой, полу-шепотомъ, рассказывала моему отцу и матери, тоже улыбающимся, приблизительно такъ:

¹⁾ Моя мать, Елизавета Николаевна Кондрашова, впоследствии описала ее въ повѣстяхъ: „Отчего?“, въ лицѣ Анны Ивановны и въ „Дѣтяхъ Солнцевыхъ“, въ лицѣ Кати. Обѣ повѣсти первоначально напечатаны въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Мих. Никиф. Каткова, при чемъ „Отчего?“ въ 1885 году.

— Вошелъ онъ въ дверь... А ужъ сумерки... Я взглянула и обомлѣла... Со-слѣпу мнѣ показалось, онъ въ одномъ бѣльѣ!.. Думаю: васъ дома нѣтъ, что дѣлать?.. А Маруся ужъ къ нему навстрѣчу идетъ... да такъ безстрашно... Ну, думаю... если онъ укуситъ или ударить еще ее...

Но тутъ я вѣско и обиженно прервала Надежду Дмитриевну:

— Какъ?.. Онъ не былъ въ бѣльѣ... На немъ былъ костюмъ, какъ ты, папочка, тоже носишь, только лѣтомъ... Желтенькій...

Старшіе переглянулись.

Надежда Дмитриевна качнула головой.

— Я сказала: мнѣ со-слѣпу показалось...—объяснила мнѣ она.

А моя мать, ласково улыбнувшись, добавила:

— Надежда Дмитриевна вѣдь рассказываетъ не то, что было, а то, какъ ей показалось... Ну, ступай, ступай къ себѣ. Тебѣ уроки надо еще готовить.

... Я ушла, но въ душѣ у меня осталось недоумѣніе: чего и отчего боялась Наденька?.. И какъ это она, т. е. Наденька (мы, дѣти, называли такъ изъ любви Надежду Дмитриевну), такая храбрая и правдивая, могла думать, что онъ меня побьетъ, и еще говорить, что онъ былъ въ бѣльѣ, когда ясно были видны темныя пуговицы на его свѣтломъ балахонѣ!!..

Съ этого дня, должно быть, пропали всѣ страхи моихъ родителей, навѣянные рассказами о помѣшательствѣ Милія Алексѣевича. Они поняли, должно быть, со словъ Надежды Дмитриевны, что не сумасшествіе, а крайняя нужда нарядили на время Балакирева зимою въ холстинку, и что какая-то внутренняя, неуловимая постороннему трагедія также нарядила его, полного духовныхъ и умственныхъ блестящихъ силъ, благодаря чьему-то злому языку, въ убогое тряпье умопомѣшаннаго.

Какъ бы то ни было, съ этого дня никто ужъ больше не сидѣлъ въ залѣ на его урокахъ, а если и входилъ, то только, какъ на уроки другихъ моихъ учителей: входилъ и, немного послушавъ, уходилъ.

Потомъ и это перестали дѣлать.

Я же оставалась въ полномъ невѣдѣніи о приписываемомъ Балакиреву сумасшествіи, еще нѣсколько лѣтъ, до 1875 года, и только отъ дѣвочки-подруги узнала о ходящихъ про него розсказняхъ.

— Ты у кого берешь уроки?—спросила меня эта дѣвочка (Соня К.-Р—ская). У Балакирева?.. Да онъ сумасшедшій!.. Какъ ты не боишься!.. Да онъ правда сумасшедшій, — стала горячо убѣждать она меня на мой протестъ и рассказала мнѣ ходящіе про него анекдоты.

Анекдоты эти были слѣдующіе: что онъ постоянно молится, отбываетъ лбомъ поклоны. Что, какъ-то, въ церкви, онъ увидѣлъ горячо молившуюся и плакавшую даму, подошелъ къ ней и на смерть перепугалъ ее, помазавъ ей лобъ свѣчкой, которую онъ опустилъ тутъ же, въ лампаду, и, проговоривъ: „молитва ваша будетъ услышана...“ (И еще что-то: Идите съ миромъ). И третье: что онъ, когда къ нему подходятъ, говорятъ: отыди отъ меня, сатана.

Тутъ ужъ я не вытерпѣла и стала, волнуясь, убѣждать мою подругу, что онъ у меня бываетъ каждую недѣлю, и что все это ложь.

— Ну, не знаю, можетъ быть, онъ теперь выздоровѣлъ, а прежде былъ сумасшедшій, — согласилась, видя мое негодованіе, милая, добрая, въ дѣтствѣ всегда баловавшая меня, Соня.

— Да когда же прежде?

— Ну, не знаю! Въ прошломъ году, можетъ быть.

— Да я и въ прошломъ году брала у него уроки...

— Ну, не знаю, въ позапрошломъ, что-ли...

— И въ позапрошломъ я брала!

— Ну, ужъ не знаю, когда, но всѣ говорятъ, что онъ сумасшедшій, — защищалась, тоже начиная сердиться, Соня.

— Всѣ лгутъ, — возмутилась я и, по пріѣздѣ домой, рассказала моей матери о слышанномъ мною, и отъ нея узнала про распущенную про него злую сплетню.

Съ того же достопамятнаго урока (когда Милій Алексѣевичъ пришелъ въ холщевомъ костюмѣ), мечтой моихъ родителей стало подарить ему шубу, т. к. оказалось, что онъ ходитъ въ осеннемъ пальто, но такъ подарить, чтобы онъ не могъ обидѣться, оскорбиться. Разговоровъ, по этому поводу, было много. Просить ли его принять эту шубу просто отъ нихъ, моихъ родителей, или сказать, что группа почитателей хочетъ и не смѣетъ поднести ему сибирскій мѣхъ... и т. д. и т. д.

Наконецъ, рѣшено было, что отецъ попроситъ его принять отъ себя, вслѣдствіе какихъ-то особенныхъ обстоятельствъ и соображеній, теплое пальто.

Выбрали мѣхъ, сукно, оставалось только снять мѣрку и заручиться согласіемъ Милія Алексѣевича сшить на него шубу. Но какъ было достигнуть послѣдняго, — никто не зналъ... И опасались худшаго!..

Наконецъ, мой отецъ рѣшился и послѣ одного изъ моихъ уроковъ позвалъ Балакирева къ себѣ въ кабинетъ, но какъ только онъ заговорилъ, всѣ хитрыя махинаціи моихъ родителей рухнули: худшее случилось.

Балакиревъ наотрѣзъ отказался отъ чего-нибудь болѣе теплаго, чѣмъ его старое холодное пальто.

Хорошо помню этотъ фактъ, помню позы, лица моихъ родителей, когда Милій Алексѣевичъ уже ушелъ, а отецъ, придя къ матери, рассказывалъ ей, какъ все произошло.

— Но онъ не обидѣлся?—взволнованно спрашивала моя мать.

— Да нѣтъ!..—смущенно успокаивалъ ее мой отецъ.

— А какъ же онъ тебѣ сказалъ?—опять спрашивала мать.

— Да такъ и сказалъ: что онъ привыкъ къ своему легкому пальто, что въ тепломъ онъ боится простужаться, что онъ не любитъ мѣхъ, да не этотъ нашъ, нами выбранный ильковый, а вообще мѣхъ... Ну, словомъ, наотрѣзъ отказался отъ шубы...

— Какой странный и вмѣстѣ удивительный человѣкъ!—выговорила моя мать, въ то время еще не знавшая, какъ не зналъ никто, что Балакиревъ тогда уже молчаливо, но безповоротно, но по принципу, рѣшилъ не принимать участія, т. е. не поощрять никакого убійства чего-нибудь живущаго безъ крайней необходимости. (Этого рѣшенія онъ держался во всю свою жизнь).

Не знаю, случай ли съ шубой или что другое, но съ этой же зимы началось сближеніе моихъ родителей съ Миліемъ Алексѣевичемъ. Отказываясь отъ обѣдовъ запросто, не говоря уже о парадныхъ, онъ сталъ часто приходить къ нимъ къ вечернему чаю и подолгу засиживался у нихъ.

Я тогда всегда уже спала, такъ что ни разу не видѣла его и не знаю, о чемъ шли бесѣды, но помню слѣдующее:

Какъ-то разъ моя мать за завтракомъ, на слѣдующій день послѣ вечерняго визита Балакирева, по поводу чего-то, сказала Надеждѣ Дмитриевнѣ:

— Да, это то, о чемъ говорилъ вчера Балакиревъ!—и, получивъ грустно утвердительный отвѣтъ нашей Наденьки, замѣтила:

— Да, а какой это удивительный человѣкъ! Какой глубокой умъ и какая вѣра!..

Впослѣдствіи я узнала, въ чемъ заключался такъ поразившій мою мать разговоръ.

Говорили о Богѣ и злой силѣ, и Милій Алексѣевичъ яркими штрихами, образами и сравненіями очерчивалъ свою мысль.

Онъ былъ убѣжденъ въ существованіи злой силы, Діавола, какъ личности, какъ врага Бога, и между прочимъ говорилъ:

— Какъ же можно отвергать его существованіе? Посмотрите, не только въ каждомъ дѣяніи человѣка есть грѣхъ, дурная сторона, несовершенство, но и въ каждомъ дѣяніи Божіемъ, видимо для человѣка есть несовершенство, примѣшана чья-то злая воля,

какая-то помѣха. Смотрите: земля вращается вокругъ солнца не просто въ 365 дней, а остаются за днями какія-то минуты, секунды, словомъ, что-то, что даетъ несовершенство, дисгармонію... Смотрите солнце: лишь слабая часть его лучей живить, благотворить; остальная, громадная, бѣльшая сила лучей пропадаетъ въ пространство даромъ. Зачѣмъ?.. Почему?.. Какое найдете вы этому объясненіе?

(Впослѣдствіи, т. е. гораздо-гораздо позднѣе, ту же мысль о солнцѣ и о даровой тратѣ солнечной энергіи я прочла у Эмерсона).

Этими вышеприведенными инцидентами и исчерпываются у меня фактическія воспоминанія о томъ времени, когда Балакирева заподозрѣвали его благопріятели въ „сошествіи съ ума“.

Перехожу теперь къ его педагогической дѣятельности, т. е. собственно къ моимъ съ нимъ урокамъ.

Княгиня М. В. Волконская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

